

1941[Илья Эренбург. В первый день.](#)[Евгений Воробьев. Святая святых.](#)**1941****Илья Эренбург. В первый день.**

С негодованием, с гневом узнали мы о разбойном нападении германских фашистов на наши советские города. Не словами ответит наш народ врагу. Игрок зарвался. Его ждет неизбежная гибель.

Германские фашисты подчинили своему игу много стран. Я видел, как пал Париж, – он пал не потому, что были непобедимы немцы. Он пал потому, что Францию развели измена и малодушие. Правящая головка предала французский народ. Но там, где солдаты, брошенные всеми, вопреки воле командования, оказывали сопротивление, немецкие фашисты топтались перед ничтожными отрядами защитников. Население небольшого города Тура и два батальона трое суток защищали город от основных сил германской армии.

Советский народ един, сплочен, он защищает родину, честь, свободу, и здесь не удастся фашистам их низкая и темная игра. [22]

Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы – высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков. Они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев. Я был в разоренных немцами странах. Повсюду я видел горящие гневом глаза, – люди ненавидят разбойников, которые разграбили их страны, убивают их детей, уничтожают их культуру, язык, традиции. Они только ждут минуты, когда зашатается разбойная империя Гитлера, чтобы подняться, все как один, против своих поработителей. У советского народа есть верные союзники – это народы всех поработенных стран – парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы. Все народы с нами. Как на освободительницу они смотрят на Красную Армию. В оккупированных фашистами странах уже зимой начались партизанские бои – смельчаки не могли больше выдержать неслыханного ига. В ноябре парижские студенты вышли на улицу с револьверами. Норвежцы по ночам истребляли отряды фашистов, поляки уходили в леса и оттуда совершали налеты на фашистских оккупантов. В Чехии рабочие ломали станки: «Ни одного снаряда для немецких фашистов». Теперь на них пойдут не тысячи смельчаков, но миллионы – народы Европы. Судьбе зазнавшегося фашистского палача пришел конец.

На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: «Гитлер начал войну, Сталин ее кончит». Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступим. Фашисты начали войну. Мы ее кончим – победой труда и свободы. Война – тяжелое, суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю –

защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной порабощенной Европы.

22 июня 1941 года [23]

1941

Евгений Воробьев. **Святая святых.**

Приземистая буква М едва светилась синим светом.

Эскалатор на станции метро «Маяковская» работал без перебоев, к нему вела ковровая дорожка. Станция неожиданно превратилась в огромный, вытянутый в длину партер, заставленный разномастными креслами и стульями. Еще днем воинские команды носили и транспортировали вниз стулья, сложенные по два, и блоки кресел, свинченных по полдюжине, из соседних зданий – Зала имени Чайковского, [78] бывшего мюзик-холла, кинотеатра «Аквариум», а также из Театра сатиры и кинотеатра «Москва» с противоположной стороны площади.

В дальнем конце подземного зала установили трибуну и стол для президиума.

В предпраздничный вечер здесь состоялось торжественное заседание Моссовета, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции. Несколько военных корреспондентов, прибывших с фронта, тоже получили пропуска.

Слева у платформы стоял метропоезд с раскрытыми дверями. Окна одного из вагонов были занавешены – там была артистическая для участников концерта.

Рядом с вагоном-артистической – вагон-буфет, где продавали бутерброды, сдобные булочки, мандарины. О существовании последних мы уже давно позабыли. В окопах, заметенных снегом ранней и сердитой зимы, мандарины выглядели бы, наверное, плодами с другой планеты.

Справа к платформе, нарушив привычное направление следования от станции «Белорусская», пришел специальный поезд, в котором прибыли руководители партии и правительства. Два последних вагона остановились в самом конце станции. В окна этих вагонов было видно, как пассажирам помогают снять с себя зимнюю одежду. И весь вечер вагоны стояли под охраной, освещенные, с раскрытыми настежь дверями, а шубы, зимние пальто, шинели висели рядом на плечиках, прицепленных к никелированным поручням, за которые обычно держатся пассажиры.

Так как я пришел рано, мне удалось занять место сравнительно близко от трибуны.

Торжественное заседание открыл короткой речью председатель Моссовета В. Пронин. Я достаточно подробно записал доклад И.В. Сталина. Никто из нас, фронтовых корреспондентов, не знал, будет ли опубликован в печати отчет об этом торжественном заседании. Смогу ли я выполнить задание редактора «Красноармейской правды»?

Поздно вечером, когда мы поднялись в вестибюль, нам доверительно сообщили, что в случае благоприятной, то есть скверной, погоды завтра утром на Красной площади состоится парад войск. Пропуска выдадут в Московском комитете партии, в секретариате А.С. Щербакова.

Весь поздний вечер и ночь мы жили ожиданием плохой [79] погоды. Обнадеживала метеосводка, какую вечером 6 ноября получили в войсках фронта: «Низкая облачность. Ограниченная видимость. Дороги для всех видов транспорта проходимы. В ночь на

седьмое наступит похолодание. Вероятны осадки. Действия военно-воздушных сил будут затруднены...»

Конные патрули из конца в конец мерили притихшую площадь, из темноты доносился цокот копыт, приглушенный снегом. Циферблат часов на Спасской башне не светился, не горело рубиновое созвездие Москвы.

Редкие машины, проходившие мимо здания ГУМа, освещали себе дорогу прищуренными фарами: узкие прорезы пропускали лишь подслеповатый синий свет.

До поры до времени решение провести парад держали в тайне – в прифронтовом городе нужно опасаться враждебных ушей и глаз. Еще в половине десятого вечера площадь оставалась без праздничного наряда и была пустыня. Но под стеклянной, побитой осколками крыши мерзлого ГУМа хлопотали декораторы и художники, там сколачивали рамы для транспарантов и лозунгов.

Здесь же, в ГУМе, расположился на постой истребительный батальон добровольцев-спортсменов. Среди них были и знаменитые чемпионы, кого мы неоднократно видели победителями на стадионах.

На крыши Исторического музея и ГУМа забрались саперы. В Ветошном переулке дежурили пожарные машины. Начиная с ночи 22 июля им часто приходилось тушить пожары, вызванные бомбардировками. И вот впервые за месяцы войны пожарным дали праздничное поручение – приставить свои высоченные лестницы к фасадам зданий, обступающих площадь, чтобы помочь ее украшению. Только электрикам нечего было делать в тот предпраздничный вечер. Площадь оставалась совсем темной. Ведь не развешивать же гирлянду из синих лампочек!

Ранним утром все заиндевело от тумана; сырой, морозной тяжестью стлался он над землей. Колокольня Ивана Великого и соборные купола посвечивали тусклым золотом. Памятник Минину и Пожарскому был укрыт мешками с песком, а окна в храме Василия Блаженного походили на бойницы крепости: в нужную минуту там появились бы пулеметы и противотанковые ружья. [80]

Погода была явно нелетной, но аэростаты заграждения после ночного дежурства в московском небе не опустили, как делали это обычно, не отвели на дневной покой.

Да, погода не обманула ожиданий: ее следовало признать как нельзя более подходящей для парада, прямо-таки великолепной. Именно о такой погоде мечтали устроители и участники парада.

Есть в жизни Красной площади минуты, полные пафоса. Такие вот минуты всегда предваряют начало парада. Торжественная тишина, полная сдержанного волнения, овладевает площадью. Тишина ожидания, когда каждая минута ощущается во всем ее объеме. Тишина, которая позволяет различать могучую поступь времени.

Литыми квадратами стояли на заснеженной площади войска, готовые к параду. Еще движение не наполнило ветром знамена. Лишь слегка колышутся шелк и бархат. Безмолвен оркестр – еще не раздалась голоса повелительной меди, мелодии не согреты живым теплом, дыханием трубачей.

Но в этой сосредоточенной тишине, в покое замершей площади уже слышится близость праздника, все ближе, ближе величественная и гордая минута – вот-вот начнется парад.

И сколько бы раз ты ни стоял в такую минуту на Красной площади, нетерпеливо поглядывая на стрелки часов Спасской башни, все равно ты, как и все вокруг, волнуешься.

Нужно ли объяснять, почему сегодня эти минуты наполнены особенно радостным волнением?!

В ожидании парада, в минуты, полные сокровенного смысла, легче охватываешь памятью прошлое.

Здесь Ленин прощался взглядом, жестом, словом с бойцами Всевобуча, с рабочими, уходившими на защиту революции, биться с Деникиным и Колчаком. На бульжном просторе площади учились маршировать первые красноармейцы и будущие красные командиры.

Больше полусотни военных парадов видела за годы Советской власти Красная площадь, а еще больше числит она в своей памяти демонстраций и других торжеств.

Первого мая 1919 года по Красной площади впервые прогрохотал трофейный танк, добытый в боях с белогвардейцами и интервентами. Праздничная толпа запрудила [81] площадь, а красноармейцы демонстрировали танк на ходу, поворачивая его во все стороны, как игрушку. Рабочие с большим интересом следили за движениями невиданной диковины. Казалось, танк движется очень быстро. На самом же деле эта неуклюжая бронированная колымага гроыхала и тряслась по бульжнику трехкилометровым ходом. Далекий предок современных сухопутных броненосцев!

Мы вспоминаем сегодня и другой исторический день – 1 мая 1918 года. Летит самолет в просвете между двумя шпилями Исторического музея. То была первая ласточка красной авиации, предвестница будущих эскадрилий, стерегущих сегодня тревожное небо Москвы.

У стен Кремля отчетливее, чем где-либо, ощущается дыхание нашей эпохи, богатырское дыхание народа – создателя и воина...

Предосторожности ради парад начался на два часа раньше, чем было до войны, – в восемь утра.

Погода шла на «улучшение»: перед утром стало очевидно, что снег не перестает идти, а усиливается. И когда куранты отбили восемь ударов и принимавший парад маршал Буденный выехал на коне из Спасских ворот, снег уже шел довольно усердно, а небо сделалось цвета шинельного сукна.

Снег набросил белые маскировочные халаты на шеренгу голубых елей.

Ветер сметал белую пыль с зубцов кремлевской стены, и казалось, это пороховой дым стелется над твердыней. Кое-где на стене виднелись следы камуфляжа: летом там были нарисованы зеленые аллеи, чтобы затруднить ориентировку фашистским летчикам, ввести их в заблуждение.

Казармы Училища имени Верховного Совета РСФСР к этому утру изрядно опустели. Уже немало курсантов отправилось на фронт; они героически отражают атаки противника на Волоколамском направлении.

Горстка военных корреспондентов собралась у левого крыла Мавзолея. До войны во время парадов на том месте обычно толпились военные атташе в своей разномастной форме. Сейчас военных атташе не было, все посольства эвакуировались.

Буденный поздоровался с войсками: «Здравствуйте, товарищи! Поздравляю с праздником!...», отдал команду: «Парад [82] вольно!» – и, провожаемый раскатистым «ура-а-а», направился к трибуне. Но вопреки традиции с речью выступил не принимающий парад, а Председатель Государственного Комитета Обороны Сталин.

В то утро, из разумных требований безопасности, радиотрансляция с Красной площади началась с опозданием – когда Сталин уже заканчивал свою речь. А вся страна услышала его речь в специальной радиозаписи.

В довоенные годы Красная площадь видела и более внушительные, торжественные парады – когда все лошади в эскадронах и на батареях были подобраны в масть, когда все маршировали в парадной форме.

Судя по сегодняшнему параду, в казармах Москвы осталось не так много войск. Но на парад вышли курсанты военных училищ, полки дивизии особого назначения имени Дзержинского, Московский флотский экипаж.

А отдельные батальоны были незаметно для противника отведены с фронта во второй эшелон и переброшены в Москву только для участия в параде.

Вслед за частями и подразделениями, прибывшими с фронта, прошагал полк народного ополчения – разношерстное и пестрое войско.

Полушубки, бушлаты, стеганые ватники, бекеши и шинели; иные шинели еще помнили Каховку и Царицын, Касторную и Перекоп...

Сапоги, валенки, ботинки с обмотками...

Шапки-ушанки, буденовки, треухи, картузы, кубанки, папахи...

Винтовки вперемежку с карабинами, мало автоматов и совсем нет противотанковых ружей.

Надо признать, вид у бойцов народного ополчения недостаточно молодеватый, парадный. Долговязый парень из тех, кого называют «дядя, достань воробушка», затесался на левый фланг и шагал в соседстве с низенькими, приземистыми. Но кто поставит в упрек вам, бойцам народного ополчения, плохую строевую выправку? Ваша ли вина, что не осталось времени на строевые занятия? Люди непризывного возраста и не весьма отменного здоровья учились маршировать под аккомпанемент близкой канонады. [83]

Но именно отсюда, с Красной площади, где каждый камень принадлежит истории, начинается ваш путь в бессмертие. Сыновья и внуки будут гордиться вашим непреклонным мужеством, доблестные красногвардейцы сорок первого года, волонтеры прифронтовой Москвы!

Вы явили всему миру преданность Родине, святым идеалам революции, заветам Ленина. Да, только в минуту грозной опасности познается истинная привязанность и любовь. Только любовь преданная, готовая на жертвы, выдерживает испытание в лихую годину.

Бесконечно дорога Красная площадь сердцу каждого советского человека и потому, что здесь в Мавзолее, в кремлевской стене и возле нее покоятся великий Ленин, его соратники, которые умерли «от трудов, от каторг и от пуль, и никто почти – от долгих лет». Здесь, где в вечном почетном карауле стоят голубые ели, покоится прах лучших сынов революции, героев гражданской войны, гениальных сынов советского народа, обогативших науку и культуру человечества.

В то праздничное утро, совсем как в годы гражданской войны, парад стал одновременно проходами на фронт. В отличие от мирных парадов, сегодня винтовки, пулеметы, орудия, танки были снабжены боеприпасами. И одна из верных примет того, что путь с Красной площади вел не в казармы, а на позиции, – у многих участников парада заплечные вещевые мешки.

Вещевой мешок! Неразлучный спутник бойца в походах и маршах; нехитрый его гардероб, где хранятся такие ценности, как сухие портянки и пара чистого белья; запасной патронташ и арсенал: гранаты отдельно, запалы к ним отдельно; холщовая кладовочка с сухарями, пачками пшеничного концентрата и банкой консервов; заплечная библиотечка, где лежит заветный томик стихов; портативный архив, куда спрятаны милая сердцу

фотография, интимное письмо, детский рисунок... Солдатская тебе благодарность за верную службу и наша долговечная любовь – тебе, незабвенный «сидор»!..

Позже по площади с железным громытием везли пушки. Иные из них казались прибывшими из другой эпохи – «времен Очакова и покоренья Крыма». Наверно, то были очень заслуженные пушки, но за выслугой лет им давно [84] пора на музейный покой. И если они дефилировали, то лишь потому, что все боеспособные пушки нужны, до зарезу нужны были на фронте и не могли покинуть своих огневых позиций.

Затем, к нашей радости, прошли танки, их было много, около двухсот, в том числе немало тяжелых. Танкисты оказались в Москве мимоездом. Накануне самого праздника две танковые бригады выгрузились на задворках вокзалов, на станциях Окружной дороги.

А с Красной площади танки держали путь прямехонько на исходные позиции. Может, для того чтоб сократить дорогу, танки сегодня не спускались, как обычно, мимо Василия Блаженного к набережной, а возле Лобного места поворачивали налево и через Ильинку, площадь Дзержинского спешили по улице Горького на север и на запад, на Ленинградское, Волоколамское и Можайское шоссе.

Долго по мостовым города громыхали танки, тягачи, броневики, пушки, слышалось цоканье копыт, маршевый шаг пехоты, скрип обозов, тянувшихся из города на его окраины, в пригороды, предместья...

Ноябрь 1941 года